

Куручкаина Мария Анатольевна

кандидат филологических наук,

кафедра английской филологии

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный педагогический

университет»

г. Челябинск

Kurotchkina Maria Anatolievna

Candidate of Philology,

Chair of the English Philology

Chelyabinsk State Pedagogical University

Chelyabinsk

kma1974@yandex.ru

Лингвистические средства создания жанра притчи в рассказе

Р.Брэдбери «Человек в воздухе» (“The Flying Machine”)

**Linguistic means of creating a parable as a literary genre on the basis of
the example of R.Bradbury’s story “The Flying Machine”**

В статье рассматриваются основные черты жанра притчи и лингвистический механизм его реализации в рассказе Р. Брэдбери «Человек в воздухе». Наряду с традиционными элементами жанра притчи, такими, как символы, Р. Брэдбери широко использует грамматические средства, среди которых наиболее важными выступают артикли, глагольные формы (Continuous :: Non Continuous; Direct object :: Complex Object), степени сравнения прилагательных.

Ключевые слова: жанр притчи, иносказательный дискурс, символ, артикль, глагольные формы.

The article highlights the problem of the linguistic mechanism of creating a parable as a literary genre on the basis of the example of R.Bradbury’s story “The Flying Machine”. Alongside traditional elements of creating a parable, such as symbols, R.Bradbury widely uses grammatical means, the most important being articles, verbal forms, degrees of comparison of adjectives.

Key words: parable as a literary genre, allegoric discourse, a symbol, the use of articles, verbal forms.

Согласно «Толковому словарю» В.Даля, слово «притча» означает «поучение в примере»[3]. Как литературный термин, притча – это жанр эпоса, небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее религиозное или моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме. В притче нет обрисовки характеров, указаний на место и время действия, показа явлений в развитии: её цель не изображение событий, а сообщение о них. [6]. Широкое распространение получили притчи с религиозным содержанием, например, «Притчи Соломона», новозаветные притчи о десяти девах, о сеятеле и др.

В литературе XIX—XX веков к жанру притчи обращались Лев Толстой, Франц Кафка, Бертольд Брехт, Альбер Камю и др. Основным источником притчевых структур в европейской литературе является Новый Завет. Использование притчи помогает разрешению или, наоборот, созданию конфликта художественного произведения, расширяет рамки текста, выводя поставленные в нем проблемы на общечеловеческий план.

Жанровые признаки притчи: 1) малый объем; 2) сказовая форма; 3) кольцевая композиция; 4) сюжет из обыденной жизни; 5) иносказание; 6) отвлеченное понятие; 7) нравоучение [5].

В современной лингвистике притча изучается как феномен иносказательного дискурса. Кушнарева Л.И. выделила следующие черты иносказания (аллегии):

- прием аллегии употребляется для облечения в конкретную оболочку морально-нравственного, духовного или абстрактного смысла;

- текст содержит эксплицитное указание на наличие двойного смысла. Один или оба пласта повествования опираются на систему, заданную извне;

- Аллегория и олицетворение основаны на древнейшей традиции человечества одушевлять и конкретизировать все, что его окружает и выстраивать концептуальную систему мироздания, опредмечивая идеальное;

Курочкина М.А. Лингвистические средства создания жанра притчи в рассказе Р. Брэдбери «Человек в воздухе» [Текст] / М.А. Курочкина // Язык. Текст. Дискурс. - 2016. - № 14. - С. 276-283.

- аллегория строится на иерархии символов, подчиненных замыслу отдельного иносказания, цельной идее, которая «поворачивает» их к реципиенту нужной гранью в нужный момент [4: 175].

Опираясь на вышесказанное, Кушнарева Л.И. определяет иносказательный смысл как смысл «на выходе», адекватный авторскому замыслу, где учитываются дополнительные смыслы, отличные от буквального понимания текста, которые появляются у реципиента во время интерпретации исходного текста. Таков путь к пониманию иносказательного дискурса [4: 176].

Значительная часть творчества Р.Брэдбери тяготеет к жанру фэнтези, притчи или сказки. Рассмотрим лингвистический механизм реализации жанра притчи в рассказе «Человек в воздухе».

Центральным символом рассказа, задающим его аллегоричность, выступает человек с крыльями, сродни древнегреческому Икару. Традиционно Икар выступает символом стремления человека бросить вызов невозможному, быть выше «оков земли», «оков повседневности», думать не только о хлебе насущном, но и о высоком, идеальном, победить свой страх перед запретами. Образ человека с крыльями является универсальным символом поэзии, изобразительного искусства, литературы. Икар воплощает идею пытливого ума, стремящегося к новому знанию, свободе.

Рассказ Р.Брэдбери построен как столкновение двух миров: уютного монотонного мира китайского императора и необыкновенного мира крылатого человека, испытующего восторг открытия, свободы полета.

Вневременное притчевое звучание рассказа задается его вступлением, где описываются обыденность, повседневность, рутинность: “In the year A.D. 400, the Emperor Yuan held his throne by the Great Wall of China, *and* the land was green with rain, *readying* itself toward the harvest, at peace, *the people in his dominion neither too happy nor too sad.*” (R.Bradbury. The Flying Machine) Обособления, именная абсолютная конструкция, сочинительный союз “and” и “-ing” формы создают атмосферу монотонности, длительности, извечности и бесконечности однообразия, выступающей фоном всего повествования.

Инверсия придает возвышенный стиль, делает текст сродни библейскому: “Early on the morning of the first day of the first week of the second month of the new year, the Emperor Yuan was sipping tea and fanning himself against a warm breeze when a servant ran across the scarlet.” (R.Bradbury. The Flying Machine)

“And in the sky, laughing so high that you could hardly hear him laugh, was a man; and the man was clothed in bright papers and reeds to make wings and a beautiful yellow tail, and he was soaring all about like the largest bird in a universe of birds, like a new dragon in a land of ancient dragons.” (Там же) В данном примере инверсия придает особый статус описываемому событию, подчеркивает благоговение, трепет перед чудом.

Р.Брэдбери умело манипулирует артиклями, для выделения оппозиции «чудо, неизвестность» :: «определенность, обыденность»:

"I saw him in the air, *a man* flying with wings. I heard *a Voice* call out of the sky, and when I looked up, there he was, *a dragon* in the heavens with *a man* in its mouth, *a dragon* of paper and bamboo, coloured like the sun and the grass."

"Oh, Emperor, Emperor, *a miracle!*" - "Yes," said the Emperor, "*the air* is sweet this morning." "And *this tea* is good in my mouth, surely that is a miracle." "Let me guess then - *the sun* has risen and a new day is upon us. Or *the sea* is blue. That now is *the finest of all miracles.*" (Там же)

Неопределенный артикль “a” становится маркером неизвестности, чуда. Для императора неизвестность идентична опасности. Даже чудо у него под контролем, что выражается артиклем “the”, который выступает маркером определенности, контролируемой известной действительности. Для императора все чудеса мира уже давно известны и составляют спокойное течение жизни.

Лексемы “the sun , the grass, the sky” повторяются как символы вечности.

Оппозиция “a miracle (уникальность) :: miracles (обыденность)” основана на грамматической категории числа и подчеркивает невосприимчивость императора к единичным явлениям, воплощающим своей единичностью чудо.

"It is early," said the Emperor, "and you have just wakened from *a dream.*" При помощи неопределенного артикля происходит стирание границ

определенности, реальности чуда. За этим кроется стремление императора сделать реальную ситуацию полета вымышленной, т.е. уничтожить мечту.

Артикль выступает средством символизации, где “the” обозначает определенность, рутину, знакомое и привычно безопасное, а “a” - чудо, неизвестность, свободу, непредсказуемую угрозу. В этом мы видим страх императора перед полетом как неподчинением, самоуправством, выходом их под контроля. “The” становится символом власти, контроля, консерватизма.

Это же значение мы наблюдаем в оппозиции “a certain machine” (для описания крыльев мастера) и “the machine was a garden of metal and jewels” (для описания шкатулки, созданной императором).

Эта же оппозиция “власть :: свобода” представлена в противопоставлении предложений с конструкцией “Complex Object” с глаголом принуждения “make” (в описании шкатулки императора) и глаголов без дополнения или с прямым дополнением (в описании полета мастера):

"Is it not beautiful, Excellency?"

"Yes, too beautiful." "Is It not beautiful?" said the Emperor.

"If you asked me what I have done here, I could answer you well. I have made birds sing, I have made forests murmur, I have set people to walking... "

"I have found beauty. I have flown on the morning wind. I have looked down on all the sleeping houses and gardens. I have smelled the sea and even seen it, beyond the hills, from my high place. And I have soared like a bird; oh, I cannot say how beautiful it is up there, in the sky, with the wind about me! And how free one feels! That is beautiful, Emperor, that is beautiful too!" (Там же)

Император не называет вещи своими именами, чтобы показать незначительность такого важного события как полет, чтобы никогда не существовало знание о полете. Нет имени - нет вещи. Он боится, что другие узнают о крылатом человеке, о свободе. Для него чужое знание – опасность:

"Here is the man who has made *a certain machine*," said the Emperor, "and yet asks us what he has created. He does not know himself. It is only necessary that he create, without knowing why he has done so, or what this thing will do."

Повторение вопроса "What have you done?" подчеркивает важность совершенного поступка. "What have you done?" demanded the Emperor.

"I have flown in the sky, Your Excellency," replied the man.

"What have you done?" said the Emperor again.

"What's this!" cried the flier, bewildered. "What have I done?" He began to weep...(Там же)

Глагольные "-ing" формы передают движение и создают атмосферу легкости и свободы, употребляясь преимущественно в отношении крылатого человека, тогда как формы с "-ed" употребляются в отношении императора и его размеренного образа жизни, узко ограниченного простым перечислением фактов, событий, и создают атмосферу ограниченности, прагматичности:

"Tell me," he said to his servant, "has anyone else seen this *flying* man?"

"I am the only one, Excellency," said the servant, *smiling* at the sky, *waving*.

The Emperor watched the heavens another minute and then said, "Call him down to me."

"No, come down, come down! The Emperor wishes to see you!" called the servant, hands cupped to his shouting mouth.

The Emperor glanced in all directions while the *flying* man soared down the morning wind. He saw a farmer, early in his fields, *watching* the sky, and he noted where the farmer stood. (Там же)

Мир свободы безграничен, огромен, тогда как замкнутый мирок императора миниатюрен в прямом и переносном смысле. Мир императора – маленькая игрушка, неспособная на развитие, изменение, преобразование, а, следовательно, он малозначителен и неинтересен. Эта мысль подчеркивается оппозицией "Tiny little birds, small sky (шкатулка императора) :: the largest bird in a universe of birds (крылатый человек)". Превосходная степень сравнения прилагательных, используемая для описания крылатого человека, подчеркивает неизмеримую важность идеи свободы, которую он воплощает. Этот контраст очевиден также и в оппозиции "He saw *the town*, nestled to itself by a river. :: the largest bird in *a universe* of birds".

На синтаксическом уровне короткие предложения императора выражают неодобрение, недовольство, настороженность, констатацию фактов:

"Is it not beautiful, Excellency?" - "Yes, too beautiful."

"I gathered my courage, Excellency, and leaped from the cliff. I flew! But my wife does not know of it." - "Well for her, then," said the Emperor. "Come along."

С другой стороны, распространенные предложения и сложные предложения показывают размеренность императора, затягивание времени, нежелание отвлекаться от стройной гармонии монотонной жизни:

"Sit down with me here," said the Emperor. "Drink some tea. It must be a strange thing, if it is true, to see a man fly. You must have time to think of it, even as I must have time to prepare myself for the sight." They drank tea. (Там же)

Эти предложения противопоставлены эмоциональным коротким восклицательным фразам слуги, который сообщает ошеломительное известие:

"It is early, but I have seen what I have seen! Come, and you will see it too." "Please," said the servant at last, "or he will be gone." (Там же)

На лексическом уровне ключевыми словами-символами, находящимися в оппозиции, выступают лексемы "bird, sky (символы свободы) :: snake, wall, key (символы приземленности, прагматичности, контроля):

"The Emperor Yuan did not move. Instead he looked at the Great Wall of China now taking shape out of the farthest mist in the green hills, that splendid snake of stones which writhed with majesty across the entire land. That wonderful wall which had protected them for a timeless time from enemy hordes."

"He took the key from its chain about his neck and once more wound up the beautiful miniature garden." (Там же)

Центральной оппозицией является контраст между неживым контролируемым миром шкатулки, представляющим искусственную красоту, и трепетным живым миром изобретения мастера, использующим естественные природные материалы: "The machine was a garden of metal and jewels. (шкатулка императора) :: The flying man alit with a rustle of paper and a creak of bamboo reeds. (крылья мастера)." Здесь мы можем усмотреть контраст

бездушности, однообразия мира рукотворных вещей и богатства и изменчивости мира природных материалов, приносящих множество ощущений.

Как всякая притча, рассказ Р.Брэдбери содержит умозаключения назидательного характера, передающие точку зрения императора:

“One must lose a little beauty if one is to keep what little beauty one already has.” “What is the life of one man against those of a million others? I must take solace from that thought.” “No, I’m not merciful,” said the old man. “No, only very much bewildered and afraid.” (Там же)

Они воспринимаются читателем как циничное прикрытие мелких эгоистичных принципов жизни императора.

Оксюморон "Hold your tongue. It was all a dream, a most sorrowful and beautiful dream.” раскрывает парадокс правды: мечта прекрасна, но трагична.

Таким образом, центральным символом рассказа “The Flying Machine” выступает крылатый человек, воплощающий идею свободы. Главная мысль взаимодействия свободы и власти выражается через систему символов: птица, небо, змея, стена, ключ, механическая шкатулка, крылья. Лексические средства создания жанра притчи сопровождаются грамматическими. Артикль и категория числа участвуют в раскрытии оппозиции “чудо::обыденность”. Глагольные формы эксплицируют оппозицию “статичность, прагматичность :: движение, свобода, изменчивость”. Категория степени сравнения прилагательных представляет оппозицию “малое :: великое”. Случаи сложного дополнения в противовес глаголам с прямым дополнением объективируют оппозицию “власть :: свобода”. Грамматические средства языка эффективно обеспечивают реализации механизмов абстракции и обобщения, необходимых для создания жанра аллегории.

В рассказах Р.Брэдбери грамматические средства, хотя менее очевидные, являются мощным средством создания психологической атмосферы и выступают инструментом символизации. Художественный эффект использования грамматических средств достигается при их контрастном использовании, при многочисленном настойчивом употреблении одной формы.

Библиографический список

1. Агранович С.З., Саморукова И.В. Гармония-цель-гармония: Художественное сознание в зеркале притчи [Текст] / С.З. Агранович, И.В. Саморукова. - М., 1997. – 134 с.

2. Р. Голубая бутылка. Сборник. На англ. яз. Составители М.Б. Антонова, П.А. Гелева. [Текст] / Р. Брэдбери. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – С. 31- 37.

3. Даль В. Толковый словарь [Электронный ресурс] - http://slovoonline.ru/slovar_dal/

4. Кушнарера Л.И. Иносказательный дискурс: лингвистические характеристики и проблемы [Текст] / Л.И. Кушнарера // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. - № 3. – С. 171-176.

5. Недорезова М. Г. Сайт "К уроку литературы" [Электронный ресурс] - Санкт-Петербург, 2007-2016. - <http://literatura5.narod.ru/pritcha.html>

6. Словарь литературоведческих терминов под. ред. С. П. Белокурова [Текст] / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2012. – 320 с. [Электронный ресурс] - <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0>